

возникло.

Глава X. (Что) этот разум есть некое изречение вещей, подобно тому как мастер сначала говорит про себя о том, что он будет делать

А эта форма вещей, которая в разуме его (создающего) предшествовала сотворению вещей, – что она иное, как не некое изречение вещей в самом разуме, подобно тому как мастер, когда собирается создать какое-то произведение своего искусства, говорит о нем про себя понятием своего ума? Под речью сознания, или разума, я понимаю здесь не то, когда представляются слова, обозначающие вещи, но когда сами вещи, но когда сами вещи, имеющие быть или уже существующие, созерцаются в сознании перед умственным взором. Ведь из повседневного опыта известно, что об одной и той же вещи мы можем говорить трояко. Именно, мы высказываем вещи или используя чувственные знаки, т. е. те, которые могут ощущаться телесными чувствами, чувственным образом; или те же самые знаки, которые вне нас являются чувственно воспринимаемыми, представляя внутри нас нечувственным образом; или не используя эти знаки ни чувственно, ни нечувственно, но внутренне, в уме высказывая эти вещи – с помощью воображения тел или понимания смысла соответственно различному характеру этих вещей. Например, я в одном смысле говорю о человеке, когда обозначаю его этим именем, «человек»; в другом смысле – когда я молча представляю себе (само) это имя; еще в другом когда мое сознание созерцает этого человека – или при посредстве телесного образа, или через смысл. Через телесный образ – когда воображается его чувственно воспринимаемая фигура, через смысл – когда ум мыслит его всеобщую сущность т. е. "животное разумное смертное".

А эти три разновидности высказывания состоят каждое из слов своего рода. Но слова того (типа) высказывания, который я поставил третьим и последним являются естественными и одни и те же у всех народов, если речь не идет о вещах неизвестных. А поскольку все другие слова отыскиваются ради этих, то там, где есть эти, не нужно никакое другое слово для познания вещи; а где этих не может быть, всякое другое бесполезно для указания вещи. Ведь вовсе не глупо сказать, что слова тем истиннее, чем больше они подобны вещам, к которым они относятся, и чем отчетливее будут их обозначать. Ведь за исключением тех вещей, которые мы используем для обозначения их самих, в качестве их имен, каковы некоторые слова, такие, как гласный «а», за исключением, говорю, их, никакое другое слово, кажется, не является настолько подобным вещи, к которой относится, и не выражает ее так, как то подобие, которое запечатлевается в умственном взоре (человека), мыслящего саму эту вещь. Значит, это и следует по праву называть самым собственным и главным словом вещи. Поэтому если никакое высказывание о какой-либо вещи настолько не приближается к вещи, как то, которое состоит из слов этого рода, и не может быть ничего другого столь подобного вещи, имеющей быть или уже существующей в чьем-либо разуме, то недаром может показаться, что у высшей субстанции такое высказывание вещей было и до них, так что они возникли через него; и существует, когда они уже созданы, так что они могут быть познаваемы через него.

Глава XI. (Что) все же много есть в этом подобии несходного

Но хотя, несомненно, высшая субстанция как бы произносит в себе все творение раньше, чем создает его, соответственно этому своему внутреннему высказыванию и через него, – как мастер сначала понимает умом то, что потом выполняет в произведении согласно понятию ума, все же я вижу в этом подобии много несходного. Так, первая (высшая субстанция) не предполагала ничего другого (кроме себя), из чего она составила бы в себе форму того, что собиралась сделать, или что она усовершенствовала бы до той степени, на которой оно станет тем, что оно есть. Мастер же во все ни умом не может, воображая, постигнуть что-либо телесное, если каким-то образом уже не знает этого, в целом или по частям, из других вещей, ни завершить произведение, уже «схваченное» умом, если недостает материи или чего-то (еще), без чего задуманная работа не может возникнуть. Ведь хотя человек может образовать мысленное представление или чувственный образ какого-нибудь такого животного, которое не существует никогда, однако никогда не сможет это сделать, не приделывая к нему частей, которые он (в свое время) усвоил памятью из других известных ему вещей. Поэтому у творящей субстанции и мастера внутренние изречения произведений их, назначенных к созданию, отличаются друг от друга тем, что первое, ниоткуда (со стороны) не приобретенное и ничем другим не подсобляемое, но существующее как первая и единственная причина, могло быть достаточно своему художнику для выполнения его произведения; второе же (высказывание) не является ни первым, ни единственным, ни достаточным своему даже для нача-